

А.В. Стогова

ПИПС ЧИТАЮЩИЙ: СТРАСТЬ К КНИГАМ В МУЖСКОМ АНГЛИЙСКОМ ДНЕВНИКЕ XVII ВЕКА

Ключевые слова: чтение, удовольствие, польза, идентичность, дневник, Сэмюэль Пипс

Аннотация: в статье поднимается актуальная в современных гуманитарных исследованиях проблематика практик чтения в культуре раннего Нового времени. Привычный образ мужского чтения до XVIII века предполагал серьезное отношение к книгам и использование полученной из них информации для самообразования, самовоспитания и завоевания социального престижа того или иного рода. Анализ дневника чиновника морского ведомства Сэмюэля Пипса (1660-1669) свидетельствует о том, эта идеальная модель не имела большого влияния на репрезентации читательского опыта в тексте, основной целью которого является конструирование «рассказа о себе». Не только реальные практики чтения были куда более разнообразными, основной категорией, через которую Пипс определял этот опыт, была категория удовольствия, напрямую связанная с создаваемым образом собственного Я.

История чтения сейчас представляет собой обширное исследовательское поле, включающее в себя изучение множества разнообразных аспектов, имеющих отношение как к факторам и контекстам, определяющим практики чтения и восприятие читаемых текстов, так и влиянию, которое особенности культуры чтения в свою очередь оказывали на разные стороны частной и публичной жизни. В основе этих работ лежит идея переосмысления самого значения, которое мы как

исследователи и люди прошлого, которых мы изучаем, осознанно или неосознанно вкладываем в понятие чтения.

Начав активно развиваться в 1980-х годах благодаря осмыслению чтения как особой культурной практики взаимодействия с текстом, это поле исследований изначально строилось вокруг двух актуальных проблем — функционирования и природы власти и культурной обусловленности интерпретации. С одной стороны, в центре внимания был вопрос о том, как чтение детерминировалось существовавшими практиками производства и распространения печатных и рукописных книг, с другой — стратегии читательского поведения, связанные с их выбором и использованием. Позднее, особенно начиная с 2000-х годов, история чтения все больше обращается к проблеме включенности чтения в иные культурные практики и невозможности определить практику чтения печатных книг, не рассматривая их в контексте взаимодействия с другими типами текстов — памфлетов, новостных изданий, различных рукописных текстов, а сами практики чтения — в отрыве от иных практик повседневной культуры, социальной и политической жизни. История чтения все больше стала рассматриваться в контексте медийной проблематики и различных форм культурной коммуникации.

В силу этого история чтения сейчас вписывается в великое множество культурных трансформаций, не связанных напрямую с производством и распространением печатной продукции. Неудивительно, что огромное количество исследований культуры чтения посвящено раннему Новому времени, которое осмысляется как период радикальных перемен и зарождения современной культуры. Даже если взять только британские исследования, мы найдем десятки, если

не сотни работ, вышедших за последние полвека, посвященных самым разным аспектам культуры чтения¹.

Удивительным является то, что среди этих многочисленных исследований, только три основаны на анализе такого богатейшего и известнейшего источника, как дневник чиновника морского ведомства Сэмюэля Пипса.

Этот текст занимает особое место среди множества документов, по которым можно изучать историю английского XVII века и раннего Нового времени в целом, в силу его необычайной информативности. Изо дня в день² на протяжении почти десяти лет с 1660 до 1669 года Пипс записывал не только то, что он делал, видел или слышал, но и свои оценки, эмоции и суждения по самым разным поводам. Чтение отнюдь не было исключением — не только дневник, но и другие сохранившиеся документы, а также прекрасная библиотека свидетельствуют о том, что Пипс был большим любителем книг. Его собрание насчитывает около 3000 томов, в то время как библиотека сэра Исаака Ньютона — профессионального ученого и человека, занимавшего более высокое социальное положение, почти в два раза меньше³.

-
- 1 Вот лишь отдельные примеры работ по некоторым пересекающимся аспектам исследовательского поля. Социальные и гендерные аспекты: **Cressy**. 1980, **Women and Literature**. 1996, **Snook**. 2005, **Colclough**. 2007, **Women's bookscapes**. 2018. Жанровая специфика: **Benedict**. 1996, **Hackett**. 2000, **McCarthy**. 2020, **Woolf**. 2000, **Loveman**. 2008. Публичная и частная сферы: **Halasz**. 1997, **Jagodzinski**. 1999, **Sharpe**. 2000. Материальная культура: **Books and Readers**. 2002, **Material readings**. 2010, **Reid**. 2019. Производство и распространение книг: **Barnard, Bell**. 1994, **The London Book Trade**. 2003, **Raven**. 2007. Новости: **News, Newspapers**. 1999, **Early Modern English News Discourse**. 2009.
  - 2 В дневнике не пропущено ни одного дня, хотя обычно Пипс делал записи задним числом за несколько прошедших дней на основе предварительных заметок.
  - 3 **Loveman**. 2015: 16.

Эго-документы уже давно стали одним из основных источников для изучения культуры чтения. Хотя они и не дают возможности для количественного анализа, их часто используют для того, чтобы проиллюстрировать те или иные процессы и подтвердить выкладки исследований. Но в последние годы эго-документы привлекают историков и возможностью изучения самой фигуры читателя, позволяющего увидеть чтение в перспективе включенности в другие элементы повседневного опыта. И именно в этой перспективе вызывает удивление, что дневник человека, известного своей наблюдательностью в отношении деталей каждодневной жизни и страстью к чтению, остается столь мало исследован.

Работа Кейт Лавман «Пипс и книги», вышедшая в 2015 году⁴ является единственным фундаментальным исследованием, посвященным роли книг в жизни Пипса. Анализируя на основе обширного корпуса архивных и опубликованных материалов то, какую роль чтение, покупка, обмен книгами, использование полученных из них знаний играли в частной и публичной жизни Пипса, исследовательница делает акцент на социальной значимости этих практик.

Помимо этой работы существует лишь несколько статей и рассуждений в монографиях, посвященных более общим вопросам как культуры чтения, так и разных аспектов жизни Пипса. Среди них можно выделить работы Элспет Яйдельской⁵, которая, как и Кейт Лавман, при изучении читательских интересов и практик Пипса ставит в центр внимания вопросы их значимости в социальной коммуникации. Она показывает, что Пипс использовал все практики, связанные с чтением, равно как и полученную из книг информацию,

---

4 Loveman. 2015

5 Jajdelska. 2007; Jajdelska. 2016.

главным образом для укрепления тех или иных отношений и социального продвижения. Ее основной тезис заключается в том, что книга использовалась как своего рода посредник в выстраивании социальных связей, который позволял как подчеркивать социальную дистанцию, так и преодолевать ее, а посему практики чтения были важным инструментом создания и поддержания определенной репутации⁶. С этим связана и идея, что книга выступала своеобразным посредником в формировании собственного голоса читателя.

Отдельные аспекты читательского опыта Пипса затрагиваются в его биографиях и работах, посвященных дневнику, или отдельным аспектам жизни. Френсис Баркер и Аарон Кунин обращали внимание на чтение Пипсом порнографической литературы в его описания своего сексуального опыта. Баркер видел в нем свидетельство формирования самоцензурирующего субъекта. Он фокусировал внимание на проявляющемся в тексте дневника вызывающим чувство вины конфликте между частными, интимными желаниями и требованиями, которые Пипс предъявлял сам к себе, за которым, по мнению исследователя, стоял акт чтения непристойной книги⁷. Кунин, в свою очередь, отмечая, что сексуальный опыт перекликается с читательским, поскольку, описывая себя, Пипс воспроизводит образ распутника из современных ему пьес⁸. Гарри Бергер, рассматривал дневник в свете совершенно иного опыта, связывая его особенности с профессиональной деятельностью Пипса как чиновника, по-

---

6 **Jajdelska.** 2016: 57-98.

7 **Barker.** 1995: 2-7.

8 **Kunin.** 2004.

стоянно читавшего и писавшего документы, знающего силу документа и охваченного «страстью к документированию»⁹.

То, что исследователи преимущественно концентрируют свое внимание на разных аспектах пользы, получаемой от чтения, которая противоречит получаемому удовольствию, совершенно неслучайно. Идея полезности чтения пронизывает все раннее Новое время, возможность ее извлечь лежала в основе многих иерархий, связанных с практиками чтения — гендерных, социальных, жанровых и т.п. В рамках гуманистической культуры вырабатывается идея чтения как основы интеллектуального и нравственного самосовершенствования человека, которая впоследствии подхватывается авторами религиозных наставлений, в особенности протестантскими. Знание разного рода текстов приобрело публичную значимость. Начитанность в той или иной области не только могла быть полезна в рамках разных видов деятельности, но и служила знаком статуса человека. В Англии университетское образование (которое получил Пипс) не просто давало знания и такой метод обращения с текстами в будущем, который должен был способствовать извлечению максимальной пользы из прочитанного, поскольку предполагал заучивание важных фрагментов текста и выписывание наиболее важных и поучительных фактов¹⁰. Оно также обеспечивало начитанность, которая позволяла выглядеть джентльменом или, по меньшей мере, человеком достаточно высокого социального статуса. Для Пипса, который получил возможность учиться в университете только благодаря прекрасным успехам в школе¹¹, полученные в нем знания и при-

---

9 Berger. 2005.

10 Loveman. 2015: 55-57.

11 Пипс учился в школе при соборе Св. Павла в Лондоне, и как лучший ученик получил стипендию для обучения в Кембридже.

вычка к чтению, безусловно, стали основой успешной карьеры и возможности быть принятым как «свой» в кругах, гораздо более высоких, чем позволяло его происхождение¹².

Античная традиция интерпретации литературы, выстраивалась вокруг категорий пользы и удовольствия, и в культуре раннего Нового времени первая, безусловно, доминировала над второй. Как отмечает Кори МакИлни, в особенности это было свойственно протестантской Англии, где писатели и критики полагали, что даже такой жанр, как поэзия, в котором словесная организация текста имела наибольшее значение, «должна не просто приносить удовольствие *и* наставлять, но доставлять удовольствие, *чтобы* наставлять»¹³.

Ее исследование прекрасно демонстрирует, что идея удовольствия от чтения постоянно присутствовала в дискурсах раннего Нового времени, но, главным образом она обозначала и проблематизировала границы «полезности». Удовольствие от чтения, с одной стороны было неотъемлемой частью художественной литературы, инструментом, позволявшим привлечь читателя к важным и полезным с точки зрения содержания аспектам текста, а с другой — ассоциировалось с потаканием собственным страстям, самоудовлетворением, отвлечением от важного и ценного.

С этим балансом поучительного и приятного коррелировала иерархия жанров, и, соответственно, представления о читателях. Менее всего способными к извлечению назидательной или иной пользы из текста современникам казались, прежде всего, люди малообразованные, неспособные осилить большие и сложные тексты, а значит, принадлежа-

---

12 Он был сыном портного и бывшей прачки.

13 McEleney. 2017: 20. Курсив автора.

щие к социальным низам. В свое время Роже Шартье предложил описывать эту иерархию, конструирующуюся в раннее Новое время, через выделение двух типов чтения — «чтения-узнавания», приписывавшегося низам общества, и более престижного «чтения-открытия»¹⁴. С другой стороны, столь же неспособными к серьезному, полезному чтению казались и те, кто легко шел на поводу у страстей, кого было легко отвлечь и увлечь красотами языка, удивительными деталями и самыми невероятными небылицами — и в первую очередь речь шла о женщинах. Кэтрин Крейк в своем исследовании о чтении сенсаций в Англии раннего Нового времени продемонстрировала, что представления о гуморальном строении тела служили обоснованием идей о большей подверженности женщин чтению ради удовольствия (главным образом сентиментального чтения), в то время как мужчины считались способными на самоконтроль¹⁵, на котором и строилась вся идея необходимого баланса между удовольствием и пользой в литературе. И эта граница постоянно проблематизировалась за счет развития печатной культуры и появления все новых жанров и типов текстов, которые с трудом укладывались в рамки «полезного» чтения.

Обе исследовательницы, занимавшиеся изучением практик чтения Сэмюэля Пипса, также приходят к выводу, что они преимущественно определялись тем, что он стремился обнаружить и максимально эффективно использовать пользу от книг, хотя она далеко не всегда коррелировала с тем, как это виделось авторам назидательных сочинений. Они выделяют несколько основных преимуществ, которые ему давало активное чтение. В первую очередь, получаемые

---

14 Шартье. 2006: 135.

15 Craik. 2007: 6-7.

от широкого круга чтения знания способствовали успешной карьере. Элспет Яйдельская отмечала, что, даже книги, которые на первый взгляд представляются не связанными с его профессиональной деятельностью, как, например, исторические сочинения, читались не ради удовольствия, но внимательно изучались, и целью этого изучения было использовать зафиксированные в них сведения и опыт других людей ради личного продвижения¹⁶. Обладание знаниями, которых не было у других (например, хорошее знание математики) не раз выгодно отличало его от коллег.

Во-вторых, польза чтения заключалась в том, что начитанность и собирание книг «работало на его репутацию и было способом демонстрации своего богатства и знаний»¹⁷, а кроме того, позволяло завязывать и поддерживать разнообразные значимые отношения. Книги не только постоянно обсуждались, но и читались совместно в компании друзей, коллег, единомышленников, ими обменивались, их рекомендовали друг другу — иными словами, книги и чтение были постоянным элементом разнообразных отношений.

Однако, мы не должны путать то, как в действительности читали те или иные люди, с конструкциями, выстраивавшимися при описании чтения. Этот тезис представляется особенно важным в отношении такого источника как дневник Пипса.

В 2000 году Марк Доусон опубликовал статью, которая имела большое влияние на изучение «Дневника». Речь в ней шла о том, что дневник, в силу своего уникального содержания и полноты стал основным источником для множества разнообразных исторических интерпретаций. Он дает так

---

16 Jajdelska. 2007: 560.

17 Jajdelska. 2007: 557.

много информации, что мы забываем о том, что Пипс все-таки описывает не все, что видит, слышит и делает, что он осуществляет отбор и преподносит информацию в определенной форме и с определенными целями, и кроме этого, соотносит свое собственное представление о своих поступках с мнением окружающих. По этой причине, отмечал исследователь, «дневник скорее представляет собой одну из граней призмы, которая создает искажение, нежели зеркало, что точно отражает реального Пипса и его мир»¹⁸. Получающийся образ и самого Пипса, и «описываемой» им жизни есть во многом совершенно осознанная конструкция, о чем мы никогда не должны забывать, пользуясь его заметками.

В контексте данного исследования имеет значение не только то, что существовавшие представления в чтении и связанные с ним практики определяли описания его читательского опыта, но и то, как и с какой целью написан текст, в который встроены упоминания о книгах и их чтении. И Кейт Лавман, и Элспет Яйедльская обращают внимание на особенности дневника, которые могли повлиять на то, какие именно аспекты практик чтения получили или не получили в нем отражение. Однако для них обеих специфика текста представляет собой скорее ту рамку, которая обуславливает полноту и характер информации о «реальном» чтении, которое и является объектом их основного интереса, и которое в значительной мере определялось существовавшими нормами, практиками и стереотипами.

Это очень хорошо заметно по той условной классификации прочитанных Пипсом текстов, в соответствии с которой выстроена структура исследования К. Лавман. Она начинается с самых «серьезных» текстов — наставлений, научных ис-

---

18 Dawson. 2000: 425.

следований, религиозных сочинений, затем переходит к тем, которые (как считали современники) удачно сочетают увлекательность и пользу (в первую очередь — исторические сочинения), и затем рассматривает те жанры, которые можно считать развлекательными (поэзия, пьесы, романы и т.п.), хотя и их авторы настаивали на назидательной и иной ценности своих сочинений. Эта классификация имеет серьезное обоснование — она опирается запись в дневнике, поясняющей выбор того, какие книги были куплены, а от каких пришлось отказаться. Исследовательница соотносит ее с тем, как книги библиотеки Пипса были распределены по разным категориям в составленном им каталоге, полагая, что их сходство отражает его собственные представления¹⁹. Однако каталог библиотеки — как реальной, так и воображаемой — в XVII веке представлял собой особый жанр, возможно в наибольшей степени отражавший идеализированные представления о чтении, а не то, как читались и воспринимались книги в действительности. И, хотя в каталоге, и в дневнике, по большей части речь идет об одних и тех же книгах, если мы хотим разобраться в том, как читал, и какое значение прочитанному придавал этот конкретный человек, представляется более полезным скорее абстрагироваться от его каталога книг, нежели следовать представленной в нем системе.

Запись же, сделанная Пипсом, на которой она основывает свою работу, описывает проблемы выбора книг, связанные с тем, что в этот день Пипс пришел в книжную лавку, только что получив изрядную сумму денег, которую был бы рад потратить на книги, хотя уже давно и не раз давал себе зарок, ограничить себя в этих тратах:

---

19 Loveman. 2015: 40-42.

Я провел там два или три часа, просмотрев около двадцати книг, на которые можно было бы потратить эти деньги. И я ощутил большую растерянность в отношении того, что выбрать и вижу, что по складу характера с радостью вернулся бы к тому, чтобы выложить тут все деньги²⁰. Я не мог сказать, стоит ли потратить мои средства на книги для удовольствия (*books of pleasure*), такие как пьесы, к чему моя натура подталкивала меня самым серьезным образом. Но в конце концов, посмотрев Чосера, «Историю Павла» Дагдейла, «Лондон» Стоу, Геснера — «Историю Тридентского собора», наряду с пьесами Шекспира, Джонсона и Бомонта, я в конечном счете выбрал «Достоинства» д-ра Фуллера, «Кабалу или собрание государственных писем» — и маленькую книжицу «*Deli-ces de Hollande*», с еще одной-двумя книжечками, все для пользы и серьезного удовольствия (*all of good use or serious pleasure*), и обе части «Гудибраса»²¹ — книги, которая сейчас в большой моде из-за юмора, хотя я, признаюсь, не могу понять, что в ней остроумного²². (10.12.63)

Лавман, соотнеся выделенные Пипсом категории книг и сделанный им выбор со структурой каталога его библиотеки, приходит к выводу, что польза от чтения (даже поэмы «Гудибрас», т.к. она была модной и была предметом многих бесед в окружении Пипса) и является тем основным критерием, который определял его практики чтения²³. В конечном

-
- 20 Отсылка к «самоцензурирующему субъекту» и обетам, которые Пипс давал сам себе, чтобы ограничить траты на удовольствия, и которые регулярно нарушал. Об обетах см. **Стогова**. 2018.
- 21 Пипс упоминает «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Историю собора Св. Павла» Уильяма Дагдейла (издана в 1658 г.), «Описание Лондона» Джона Сноу (первое издание — 1598 г.), «Четыре книги о соборе» Соломона Геснера (1600), издания пьес Уильяма Шекспира, Бена Джонсона и Фрэнсиса Бомонта, «Историю выдающихся людей Англии» Томаса Фуллера (1662), сборник «*Cabala sive Scrinia Sacra*: тайны государства и политики в письмах знаменитых людей и великих государственных министров» (1663), «Услады Голландии» Жана-Николя Периваля (1651) и поэму Сэмюэля Батлера «Гудибрас» (1662, о ней подробнее см. ниже).
- 22 **Pepys**. 2000: IV, 410-411. Здесь и далее перевод мой — А.С. В переводе Ливерганта см. **Пипс**. 2010: 145. Авторство книги, которую Пипс называет «Историей Тридентского собора» ошибочно приписывается переводчиком Конраду Геснеру.
- 23 **Loveman**. 2015: 39.

счете, даже пьесы («книги для удовольствия») она рассматривает в контексте возможной пользы, которую можно было извлечь (и, в конечном счете, извлекалась) из знания этих текстов, в значительной мере объясняя тем самым, почему именно на них приходится одно из самых больших число покупок²⁴. Однако, само построение этой записи свидетельствует о том, что категория пользы определяла денежные траты Пипса, а не читательский интерес, который, очевидным образом, был тесно связан с удовольствием от чтения. В конце концов, как отмечают издатели дневника в комментарии к этой записи, впоследствии, разбогатев еще немного, Пипс купил все упомянутые в ней книги, за исключением сочинения протестантского богослова Соломона Геснера²⁵. И сама необходимость делать выбор была связана именно с финансовым интересом, тем, что много «книг для развлечения» уже была куплена, и определялась потребностью следовать собственному обету урезать траты на развлечения.

В данной статье я попробую применить иной подход и сфокусировать внимание не на чтении как таковом, а на том, каким оно представлено в тексте о себе, который пишется отнюдь не спонтанно. Речь пойдет не просто о читательском опыте, но об опыте, который представлен как составляющая формируемого образа самого себя. Ролан Барт в эссе «Удовольствие от текста»²⁶, выделял два аспекта читательского опыта, которые особенно важны в рамках данного исследования. Во-первых, разные типы читательского удовольствия зависят от

24 По ее подсчетам, больше всего Пипс покупал именно пьесы и книги по истории (16% от числа всех покупок). По 9% приходилось на книги по музыке, богословию, естественной философии и новостные издания. 7% покупок составляли книги по политике, 6% — поэзия и 5% — юридическая литература. **Loveman**. 2015: 42.

25 **Pepys**. 2000: IV, С. 410 (n. 4).

26 **Барт**. 1994: 462-518.

типа, строения, поэтики текста, и потому тексты разных эпох создают возможность для очень разных удовольствий²⁷. А вторых, «удовольствие возникает за счет того, что человек воображает себя индивидом, создает последнюю редчайшую фикцию — фикцию самотождественности»²⁸. Это второе положение имеет особое значение, поскольку в случае с Пипсом мы имеем дело не с читательским опытом самим по себе, а с его репрезентацией в тексте, который и сам имеет целью конструирование определенного образа Я его автора.

Дневник — относительно новый жанр эго-документов в европейской культуре, появление которого обычно связывают с модерностью. Содержание дневников может быть очень разнообразным, их объединяет структура нарратива — поденные записи, выстроенные в хронологическом порядке. С этой структурой, восходящей к средневековой хронике, связаны основные отличия дневника от автобиографии: отсутствие ощущения завершенности и невозможность (или, по меньшей мере, очень ограниченная возможность) проследить причинно-следственные связи между событиями своей жизни. Встроенная в линейную модель времени, жизнь человека, представленная в дневнике, в силу этого, однако, не имеет линейно разворачивающегося сюжета, свойственного автобиографиям²⁹. Стюарт Шерман связывал появление дневников в культуре раннего Нового времени с формулированием идеи всеобщего, непрерывного и линейно разворачивающегося времени в науке этого периода и появлением новых часовых механизмов с плавным движением стрелок. Если средневековая хроника соответствует в его

---

27 Барт. 1994: 470.

28 Барт. 1994: 514.

29 Nandi. 2021: 20.

концепции дискретному, разорванному времени, с пустотами между отстоящими друг от друга событиями, то дневник соответствует плавному и непрерывному времени, постоянно существующему и постоянно чем-то наполненному³⁰.

Дневник Пипса является для Шермана идеальным образцом этого нового ощущения времени, поскольку представляет собой календарную непрерывность «посредством двойной стратегии заполнения: целостного нарратива внутри каждого дня и календарной непрерывности описываемых дней»³¹. Действительно, созданный Пипсом текст отличается от дневников его современников тем, что в нем не пропущено ни одной даты. Это позволяет утверждать, что эта непрерывность и полнота являлись его целью, тем более что чаще всего Пипс делал записи в дневник не в тот же день, когда произошли описываемые события, но задним числом на основе предварительных заметок. Гарри Бергер, основываясь на этом так же, как и Марк Доусон, подчеркивал обманчивость ощущения непосредственности, которое создает этот текст. Он отмечал, что Пипс репрезентирует себя как «описываемое Я», представленное в разбитом на даты континууме повседневной жизни, и одновременно как «пишущее Я», представленное в последовательности актов письма, поскольку делает записи и о том, что он сел записывать события последних дней в дневник³². Таким образом, «сам» Пипс наблюдает за обеими своими ипостасями и образ его Я и его повседневной жизни, который мы видим в дневнике, является результатом этого наблюдения. Все, что попадает или не попадает в текст дневника, как оно описывается и увязывается с другими событиями

---

30 Sherman. 1996: 35.

31 Sherman. 1996: 35.

32 Berger. 2005: 235.

ми дня, появляется в тексте не только потому, что оно случилось, но потому, что оно было замечено и записано.

Такая позиция наблюдателя отсылает, по меньшей мере, к двум важным для Пипса образцам. В одном из последних исследований, посвященных дневникам раннего Нового времени, Мириам Нанди обращает внимание на значение образа театра для понимания текста «Дневника» и вследствие театрализованности культуры раннего Нового времени, и в силу большой любви к театру самого Пипса. Жизнь, представленная в тексте, являет собой своеобразный социальный театр, представленный взору зрителя³³.

Второй образ, который имеет не меньшее значение для английской культуры XVII века и самого Пипса — это ученый-естествоиспытатель³⁴. 1660-е годы, которые охватывает текст дневника, — это время активного приобщения Пипса к современному научному знанию и ученому сообществу, полноправным членом которого он впоследствии станет³⁵. Новая бэконианская наука строилась на идее активного внимательного наблюдения и тщательного описания увиденного. Лондонское королевское общество, основанное в 1660 году, активно занималось не только изучением мира, но и выработкой норм научного наблюдения и такой модели фиксации этих наблюдений, которая позволила бы сделать их ценными и для читателей³⁶.

Текст о своей жизни, который выстраивает Пипс, и, соответственно, то, каким образом в нем представлено чтение, зависит от прочитанных им книг, ибо он не только ходит в

---

33 **Nandi.** 2021: 181.

34 О связи интереса к науке Пипса с его дневником см.: **Nicolson.** 1965.

35 С 1684 по 1686 год Пипс занимал должность президента Лондонского королевского общества.

36 **Pearl.** 2012.

театр или слушает ученые беседы, но читает многочисленные пьесы и трактаты. Дневник меняется вместе с самим Пипсом, и меняется тот образ самого себя и своей жизни, который конструируется в тексте. Постепенно автор все больше отходит от привычных моделей автобиографического письма. Если в первые годы он периодически подводил промежуточные итоги и оценивал произошедшие изменения, то к концу 1660-х годов в тексте остаются только «непосредственные» наблюдения и впечатления от происходящего.

Впечатление о том, что Пипс читает «ради пользы», причем пользы не столько назидательной, сколько сугубо практической, связанной с карьерой и выстраиванием различных отношений, в значительной мере определяется именно тем, как вообще выстраивается описание того, что случилось за день. В отличие от многих других авторов дневников, которые выбирают из всего случившегося за день то, что можно условно назвать событием (приход гостей, посещение театра, семейная ссора, печальное или радостное известие и т.п.), оставляя за границами текста незначительные или обыденные, повторяющиеся вещи, он записывает и то, как долго провалялся в постели, и подсмотренную по дороге сценку из городской жизни, и то, как выглядела его жена или случайно встреченная женщина. Со временем деталей, на первый взгляд не имеющих большого значения, становится все больше.

Кейт Лавман приводит в своей работе статистику упоминаний о книгах и чтении. Она насчитывает 686 записей в дневнике, имеющих отношение к чтению и покупке книг, из них примерно 40% относятся к последним двум с половиной годам (1667 — май 1669 года). Резкий рост упоминаний о книгах в этот период она объясняет проблемами Пипса со зрением, сделавшими чтение более заметным и непривыч-

ным опытом и в силу болезненности, и в силу того, что большую часть времени Пипс теперь читал не сам, а просил почитать жену или прислугу³⁷. И это объяснение является действительно очень важным. Но, кроме того, нельзя не отметить, что в последние годы ведения дневника Пипс в целом стал подмечать больше деталей своей повседневной жизни, о чем свидетельствует даже увеличившийся, несмотря на проблемы со зрением, объем последних томов дневника. Чтение стало занимать больше место в дневниковом образе его жизни, потому что трансформировался и сам взгляд на нее.

Все многочисленные аспекты чтения «ради пользы», которые подробно проанализированы в работах К. Лавман и Э. Яйдельской, становится возможным узнать только потому, что к описанию своего чтения в дневнике Пипс подошел отнюдь не прагматически. Как отмечалось выше, «серьезное» чтение, которому учили в университетах, в XVII веке предполагало выписывание наиболее ценных и значимых идей и фрагментов или заучивание их наизусть, причем акцент с сочинений латинских авторов на протяжении раннего нового времени все больше смещался к современным текстам³⁸. Как отмечает Лавман, даже развлекательные сочинения, чтение которых ориентировано на удовольствие, читались и перечитывались с целью запомнить содержание, чтобы его потом можно было использовать в разговоре или в различных паттернах поведения³⁹.

Подобное отношение, в особенности к назидательной и ученой литературе, способствовало тому, что их чтение воспринималось как самозначимое событие. Не случайно ран-

---

37 Loveman. 2015: 12.

38 О роли памяти и запоминания в контексте чтения в культуре раннего Нового времени см.: Hiscock. 2011.

39 Loveman. 2015: 164.

нее Новое время — это время распространения кабинетов, позволявших уединиться для чтения, вычленив его как отдельный, не связанный с другими (важными или мелочными) делами момент жизни. И в качестве такового, чтение чаще всего и попадало в дневниковые записи. Для примера можно привести фрагмент из дневника старшего современника Пипса Ральфа Джосслина⁴⁰, викария из Эссекса, который часто сопоставляют с текстом Пипса:

Сегодня я увидел, что луга залиты водой, чего я не видел с прошлой зимы; сегодня я закончил читать 1-ю книгу «Наставления» Зеннерта о телосложении⁴¹, содержащую 153 страницы⁴². (9.10.49)

Джосслин нечасто упоминал о том, что он читал для себя, а не прихожанам во время службы, хотя сообщал о купленных книгах. В паттерне описания, который он использует, чтение как акт не только представлено как отдельное событие, не связанное с другими, случившимися в течение дня. Оно и вообще словно бы выключено из повседневности, запись о чтении книги лишена каких бы то ни было подробностей, которые позволили бы вписать чтение в опыт повседневной жизни. С одной стороны, это хорошо соотносится со схемой, предложенной Шерманом, и в которой жизнь предстает как набор отдельных, не связанных между собой, но просто определенным образом расположенных во времени (и в тексте) событий. С другой, то, что чтение оказывается одним из таких *событий*, свидетельствует и об отношении к этой практике⁴³.

40 Ральф Джосслин (1616-1683) — викарий в деревне Эрлс Колн в Эссексе. Вел дневник с 1640 года до своей смерти.

41 «Наставление в медицине» Даниила Зеннерта (1611).

42 Josselyn. 1976: 181.

43 Любопытно, что чтение проповедей Джосслин, как правило, описывает иначе, с большим вниманием и к окружающей обстановке, и к собственным мыслям и переживаниям.

То, что авторы текстов, в том числе эго-документов, начинают упоминать различные бытовые подробности, связанные с процессом чтения, (среди прочего) свидетельствует о трансформации отношения к чтению возможно даже в большей степени, чем об изменении самих практик. Исследователь дневников раннего Нового времени Ерун Блак, сравнив описания чтения в нескольких текстах, относящихся к разным периодам от начала XVII до середины XVIII века пришел к выводу, что представления о том, что практики чтения стали гораздо более разнообразными в XVIII столетии неверны. Его источники демонстрируют наличие разных моделей читательского поведения и в начале XVII столетия⁴⁴.

Само желание или нежелание авторов дневников приводить те или иные подробности, связанные с практиками чтения, свидетельствуют о том, как они воспринимали чтение как часть своей жизни. Пипса в этом отношении можно считать почти полной противоположностью Джосслина.

Детали, того, что мы называем повседневностью, вообще привлекают его внимание. В тексте «Дневника» случившееся в течение дня не имеет логической причинно-следственной связи, как это вообще обычно свойственно этому типу текстов. Нет между ними (за очень редким исключением) и эмоциональной связи, свойственной более поздним интроспективным дневникам. Однако, как отмечал Гарри Бергер, они имеют нарративную связь. Пипс использует большое количество вводных слов, предлогов и т. п., маркирующих временную последовательность и длительность происходящего (*up to, so, thence, after, all the morning*). Призванные связывать предложения, они соединяют и описываемые события, создавая ощущение реального движения

---

44 Blaak. 2009: 344.

времени⁴⁵. Но также они маркируют и перемещения в пространстве, ибо помимо обозначения того «когда» и «как долго» Пипс всегда указывает «где» и «куда». Все описываемые им события дня погружены в единую среду — наполненное время и пространство, в которых они случаются.

Чтение, встроенное в эту модель повествования, тоже обретает соответствующие характеристики. Оно перестает быть отдельно стоящим опытом, но становится частью переменчивой повседневной круговерти дел. Большая часть информации, которую нам дает Пипс, связана с тем, где, когда, как долго, с кем и при каких обстоятельствах он читал. Нередко он даже не называет книгу, но лишь включает сам акт чтения в то, чем наполнен его день:

(Воскресенье) Все утро в моем офисе, занят там делами. На улице ливень, поэтому обедал дома один. После обеда прогулялся к Милорду⁴⁶ и там нашел его за обеденным столом с множеством гостей, судя по всему, они крестили сегодня его младшего сына — назвали его Джеймсом. Я получил кусок пирога. Милорд поставил подпись и печать на всех документах, связанных с моей продажей земли в Бремптоне⁴⁷. Дело еще не настолько близко к завершению, как хотелось бы, но сделано, насколько это было в моих силах на данный момент. Снова прошелся пешком домой и там погрузился в чтение (*fell to read*). Вскоре пришел мой дядя Уайт, др. Бёрнет и еще один джентльмен, и разговаривали и пили, и доктор показал мне, как надо глотать скипидар⁴⁸, что меня

45 Berger. 2005: 218.

46 Имеется в виду Эдвард Монтегю, 1-й граф Сэндвичский, виконт Хичинбрук, барон Монтегю Сент-Неотский.

47 Земли в деревне Бремптон в Кембриджшире принадлежали дяде Пипса Роберту. Он скончался в 1661 году и завещал их своему младшему брату — отцу Сэмюэля Пипса. На бумагах требовалось поставить подписи всем потенциальным наследникам, а также родственнику и покровителю Пипсов — графу Сэндвичскому.

48 Пипс страдал от мочекаменной болезни. Доктор посоветовал ему пилюли со скипидаром, которые должны были облегчить боль. В конечном счете, лекарства не помогли, и ему сделали операцию.

очень порадовало, ибо это очень легко. Затем они ушли, а я — ужинать и в постель⁴⁹. (17.07.64)

Эти темпоральные и пространственные характеристики чтения могут быть вполне ожидаемыми — чаще всего Пипс читает вечером, после завершения всех дел в своей комнате до или после ужина («Он ушел, а я в свой кабинет и читать. И затем съел немного хлеба с сыром и в постель» (17.08.62))⁵⁰. Но также они могут и совершенно не соответствовать представлениям о «кабинетном чтении», ибо обнаруживается, что Пипс пользовался любой возможностью, чтобы засунуть нос в книгу. Он читал в офисе, когда было свободное время (но, видимо, не так много, чтобы успеть сходить в театр, куда он также часто отлучался в течение дня) или дома с женой утром или в середине дня, в компании друзей — слушая, читая и обсуждая какую-нибудь книгу. Однажды, гуляя по лесу, он набрел на пастуха, которому мальчик вслух читал Библию и, дав ребенку монетку, присоединился и попросил зачитать определенный фрагмент (14.07.67)⁵¹. И очень часто Пипс читает в дороге, что, по всей видимости, было довольно распространенной практикой, учитывая популярность книг карманного формата.

Всегда, когда он отправляется в Вестминстер, Дептфорд или другое место по воде, у него с собой имеется книга, и он коротает время за чтением. Исследование Е. Блака подтверждает, что чтение в дороге — в карете или на корабле — было обычным делом для XVII века. Авторы проанализированных им дневников выбирали на случай пути книги легкие для восприятия — пьесы, поэзию, романы⁵². Пипс не жаловал

---

49 **Pepys**. 2000: V, 211.

50 **Pepys**. 2000: III, 169.

51 **Pepys**. 2000: VIII, 338.

52 **Blaak**. 2009: 345.

романы,⁵³ но любил читать поэмы и особенно пьесы, и действительно часто читал их в дороге:

Встал и в Дептфорд по воде, читая «Отелло, венецианского мавра»⁵⁴, которого я раньше всегда считал очень хорошей пьесой, однако, после того как я недавно прочел «Приключения пяти часов»⁵⁵, она кажется дурной вещью».⁵⁶ (20.08.66)

Однако качка, ветер и звуки снастей не останавливали его и при чтении более серьезных книг⁵⁷. Например, отправляясь в феврале (!) 1667 года в Уайтхолл и обратно он читал только что вышедший ответ на «Католическую апологию» (1666) Роджера Палмера, графа Каслмейна, который приписывали капеллану короля Уильяму Ллойд⁵⁸. В июле того же года он отправился на галере, «...с большим удовольствием

53 В воскресенье 10 февраля 1661 года он записал: «Прости меня Господь, провел весь день за чтением небольших французских романов» (**Pepys**. 2000: II, 35). С одной стороны, это имеет отношения к тому, что он выбрал неподобающее чтение для воскресного дня, но в этой фразе заключена и изрядная доля самоиронии.

54 Пьеса У. Шекспира.

55 Пьеса сэра Сэмюэля Тьюка. Была поставлена в 1663 году и имела большой успех. Пипс посетил премьеру 8 января 1663 года, и отозвался о пьесе как о лучшей, какую он когда-либо видел (8.1.63) **Pepys**. 2000: IV, 8. Затем, в середине августа 1666 года, также во время поездки по Темзе (в Гринвич) он прочитал изданный текст пьесы, «которую, чем дальше я читаю, тем больше восхищаюсь» (15.08.66). **Pepys**. 2000: VII, 249.

56 **Pepys**. 2000: VII, 255.

57 Пипс не упоминает о них, но нередко отмечает холод («...и затем по воде домой, было на удивление холодно, читая нелепую балладу с восхвалениями в адрес герцога Элбермейла под мелодию «Святого Георгия», музыка тоже была напечатана» (6.3.67) **Pepys**. 2000: VIII, 99. Речь идет об анонимной «Историческая песнь ... о Джордже герцоге Элбермейле, ... написанная в августе 1666».

58 **Pepys**. 2000: VIII, 70 (17.02.67). Пипс читал и текст «Апологии», которая вскоре после выхода была запрещена к продаже, и тираж был уничтожен, что вызвало большой ажиотаж. Пипс выпросил на время экземпляр у владелицы книжного магазина в Уайтхолле Энн Митчелл. **Pepys**. 2000: VII, с.393 (1.12.66).

вниз к Грейвсенду, на протяжении всего пути с необычайным удовлетворением читая “Гидростатику” Бойля⁵⁹, которой, чем больше я читаю и понимаю, тем больше восхищаюсь как прекраснейшим образчиком философии» (24.07.67)⁶⁰. Помимо вполне понятного нам чтения в транспортном средстве, Пипс также регулярно погружался в книгу на ходу. Кейт Лавман отмечает, что это может быть связано с рекомендациями такой практики некоторыми медиками как полезной для здоровья, чтобы не засиживаться во время чтения, а двигаться на свежем воздухе⁶¹. Пипс читал в самых разных садах, в которые попадал, но, что интересно, он никогда не ходил с книгой в королевские парки и тем более «парки удовольствий». Зато он нередко читал, отправляясь пешком по делам за пределы Лондона, и при этом не отмечал в тексте дневника никаких неудобств, связанных с таким способом чтения. Напротив, когда в конце декабря 1665 года он с коллегой не смог приплыть домой на лодке и их ночью высадили на полпути, из-за появившегося на Темзе льда, он, после расставания с попутчиком, оставшуюся часть пути читал. И этот опыт чтения во время движения по полям морозной декабрьской ночью он описывает с видимым удовольствием:

...засим отправился через поля домой, при свете фонаря, который нес один из моих моряков, и я читал при его свете, и это была прекрасная сухая ясная ночь⁶². (27.12.65)

Обращая много внимания на внешние обстоятельства, в которых осуществляется чтение, Пипс при этом никогда не

---

59 «Гидростатические парадоксы, составленные на основе новых экспериментов» Р. Бойля (1666).

60 **Pepys**. 2000: VIII, 351.

61 **Loveman**. 2015: 28.

62 **Pepys**. 2000: VI, 340.

жалуется на них, и вообще не комментирует их влияние на восприятие читаемой книги, за исключением буквально нескольких исключений. К примеру, в августе того же 1665 года Пипс отмечает, что испытывал меланхолию во время чтения:

Засим по воде домой и по пути видел, как из трюма небольшого кеча,⁶³ стоявшего в Депфорде, доставали мертвого мужчину. Я полагаю, что он умер от чумы⁶⁴, что, вместе с мыслями д-ра Бёрнета несколько растревожило меня, так что я не сделал тех дел, которые намеревался и должен был завершить в офисе, но ушел домой раньше обыкновенного и после ужина читал в меланхолии один, а затем — в постель⁶⁵. (26.08.65)

В 1667 году в свете проблем на службе, которые волновали его в течение нескольких дней, Пипс записал:

Это очень взволновало мой ум, однако я принялся читать апологию Хэквиля и изрядно утешился истиной высказывания о том, что мир не походит к концу, но находится в хорошем состоянии в отношении всех вещей, касающихся природы. Я продолжал читать эту книгу с большим удовольствием до ужина, я затем в постель ранее обыкновенного, поскольку завтра рано вставать⁶⁶. (3.02.1667)

Исключительная редкость замечаний о том, что внешние обстоятельства оказали влияние на его взаимодействие с книгами, удивительна, учитывая как его внимание к этим обстоятельствам, так и то, что он часто читает (и не только пьесы, но и довольно сложные для восприятия книги) в условиях, которые не способствуют сосредоточенности на тексте. Сюда можно отнести чтение как на улице (Пипс упоминает о том, что ухитрялся делать это даже верхом на ло-

63 Разновидность двухмачтового парусного судна.

64 Летом 1665 года в Лондоне началась эпидемия чумы, утихшая только с пожаром, уничтожившим весь центр город в 1666 году.

65 *Pepys*. 2000: VI, 204.

66 *Pepys*. 2000: VIII, 43.

шади)⁶⁷, так и на работе, где его постоянно «отвлекали» непосредственные обязанности.

Невнимание к воздействию обстоятельств вовсе не связано с умолчанием о своем восприятии прочитанного, но вполне соответствует общей модели репрезентации событий дня. С одной стороны, в дневнике, как уже отмечалось выше, нередко лишь фиксируется сам акт чтения, без каких-либо подробностей. С другой — столь же часто он оставляет комментарии, что само по себе свидетельствует о том, что прочитанная книга обратила на себя его внимание. В первую очередь в этих случаях он указывает, какую именно книгу прочел. Тексты маркируются главным образом при помощи обозначения их содержания. Пипс не всегда (хотя и в большинстве случаев) приводит имя автора, даже если речь не идет об анонимных сочинениях, как в приведенной выше цитате об «Отелло». Также не всегда он приводит и название книги. Обычно это происходит при упоминании тех текстов, какие с одной стороны имеют довольно короткие названия, а с другой — содержание, которое сложно пояснить в двух словах (пьесы, поэмы, исторических сочинений, религиозные тексты и т.п.). Однако гораздо чаще он приводит либо усеченный, порой до одного-двух слов, вариант названия, по которому можно понять не только то, о какой книге идет речь, но и чему она посвящена, либо и вовсе кратко поясняет ее содержание вместо отсылки к названию. Например, также упоминавшееся выше сочинение Роберта Бойля «Гидростатические парадоксы, составленные на основе новых экспериментов (по большей части физических и простых)» Пипс обозначает как «книгу мистера Бойля о гидростатике» (10.06.67) или попросту как «“Гидростатику” Бойля» (24.07.67).

---

67 *Репys.* 2000: VI, 182.

В тех случаях, когда в тексте дневника уточняется, какую именно книгу читал автор, там нередко появляется и описание его впечатлений. Одним из множества аргументов в пользу того, что Пипс воспринимал чтение как полезное занятие, является отсылка к его собственным словам. В некоторых случаях он обращает внимание на то, что полученная из книги информация может быть чем-либо ему полезна:

Вскоре я дал ему прочесть⁶⁸ часть главы об измене милорда Кока⁶⁹, которая очень даже заслуживает чтения (*mighty well worth reading*) и сообщила мне много всяких вещей. И насколько я могу судить, очень полезно знать, в чем состоят эти преступления⁷⁰. (15.11.67)

Кейт Лавман анализирует упоминания о том, что то или иное издание «заслуживает чтения» (*worth reading*) как свидетельство того, что оно могло дать Пипсу новую информацию, которая могла быть ему полезна, даже если это были не полезные с точки зрения нравственности и образования знания, а сплетни, свидетельства пороков и т.п.⁷¹ Ее и Элспет Яйдельской рассуждения о том, что Пипс действительно вполне сознательно использовал самую разную информацию из прочитанных книг, равно как и обмен книгами, разговоры о них для укрепления своего положения в обществе, действительно, очень убедительны, однако манера описания чтения в «Дневнике» свидетельствует и о важности другой стороны практик чтения.

68 Речь идет о Генри Муре, помощнике графа Сэндвичского, покровителя Пипса. Слова «дал ему прочесть» скорее всего отсылают к тому, что Пипс попросил гостя прочесть ему отрывок вслух, что в последние годы ведения дневника было обычной практикой из-за проблем Пипса с глазами.

69 Здесь упоминается фрагмент из «Институций английского права» Эдварда Кока — одного из виднейших юристов конца XVI — первой половины XVII в.

70 **Pepys**. 2000: VIII, 531.

71 **Loveman**. 2015: 116.

В том случае, когда Пипс добавляет свое суждение о книге, основной ее характеристикой оказывается вовсе не польза, а полученное или неполученное удовольствие. В подавляющем большинстве случаев, и, что не менее важно, вне зависимости от жанра прочитанной книги — научного трактата, назидательного сочинения, пьесы или истории — именно через категорию удовольствия описывается опыт взаимодействия с ней: «читал с большим удовольствием» (*read/reading with great pleasure*), «меня очень порадовало/радует» (*did please/pleases me mightily*), «был очень доволен» (*was mightily pleased*), «читать было бесконечно приятно» (*please me most infinitely to read*), «получил удовольствие от чтения» (*pleased with reading*), «читал с необычайным удовлетворением» (*reading with extraordinary content*), «порадовала меня больше чем все, что я читал за довольно долгое время» (*which pleases me as much as anything I have read a great while*) и т.п. Эти выражения то и дело появляются при описании чтения. О негативном опыте Пипс упоминает гораздо реже, не оставившие впечатления книги просто не называются вовсе.

Иногда, заполучив интересную книгу он не может дождаться того момента, когда сможет ее прочесть⁷². Так 2 января 1665 года он отправился к торговцу книгами и его переплетчикам, у которых обычно делал заказы, и там «увидел книгу Гука о Микроскопе, которая так хороша (*so pretty*), что я сразу попросил оставить ее для себя»⁷³. Книга только-только вышла и, по-видимому, еще даже не поступила в продажу, первые экземпляры еще должны были закончить пе-

---

72 Равным образом этот случай хорошо иллюстрирует тот факт, что Пипс любит покупать и читать только что изданные книги.

73 *Pepys*. 2000: VI, 2.

реплетать⁷⁴. Пипс часто описывает книги как *pretty*, и чаще всего это имеет отношение к остроумию, оригинальности, необычности⁷⁵, но в данном случае, вполне вероятно, имелся в виду и внешний вид, поскольку книга была снабжена многочисленными иллюстрациями того, что Роберт Гук смог увидеть при помощи своего микроскопа. Заполучив, наконец, переплетенную книгу почти двадцать дней спустя, он «сидел в своей комнате до 2-х часов, читая «Наблюдения о микроскопическом» мистера Гука, самую затейливую книгу (*the most ingenious book*), какую я когда-либо читал» (21.01.65)⁷⁶.

Именно внимание к удовольствию при описании процесса чтения делает очевидным, что оценки, которые Пипс дает книгам — «достойное чтение», «превосходная книга» или, как в случае с «Микрографией» — «затейливая, оригинальная книга» — связаны не только с их информативностью, поучительностью или иной потенциальной пользой, но и с получаемым удовольствием.

То, что Элспет Яйдельская и Кейт Лавман склонны оставлять за скобками его значимость при изучении практик чтения Пипса, в значительной мере обусловлено социальным фокусом исследований — их интересуют практики чтения и их роль в жизни Пипса и его социальных коммуникациях. Хотя здесь нельзя не отметить, что совместное чтение книг в компании было одной из составляющих приятного времяпрепровождения. Как и в случае с внешними помехами, удовольствие от чтения не определялось другими, полученными в течение дня, но сопрягалось с ними в пространстве

74 На титульном листе значится 1665 год. В книгах, выходящих в конце календарного года, часто ставили новую дату, но из описания Пипса видно, что в данном случае книга еще не попала в магазин.

75 См. *Loveman*. 2015: 83.

76 *Pepys*. 2000: VI, 18.

текста дневника. Очень показательно, как Пипс описывает редкое мирное воскресенье, проведенное с женой:

Мы провели день в приятных разговорах в компании друг друга <читая в книге д-ра Фуллера, что он говорит о семействах Клиффордов и Кингсмилов^{77>⁷⁸ и ночью, чувствуя себя лучше, чем раньше, благодаря клизме, которая выпустила изрядное количество ветров — я, после ужина поздно вечером в постель и спал хорошо⁷⁹. (10.04.64)}

Этому способствует построение фраз, когда разные действия, происходящие одновременно или последовательно, соединяются при помощи союза «и» в одну общую картину приятно проведенного времени. Так, Пипс, например, описывает возвращение в компании из деловой поездки за пределы Лондона в июле 1667 года, и остановку в небольшом трактире:

Туда мы отправились в коляске и нашли очень чистый скромный дом, и получили блюдо отличный сливок по нашему вкусу, и вскоре уехали, очень веселые, и принялись читать некоторые из «Советов художнику»⁸⁰, которые действительно остроумны и стали хорошим развлечением. И Крид⁸¹ также пересказал мне часть содержания писем старика Бёрли⁸² времен королевы Елизаветы,

-
- 77 Речь идет об «Истории выдающихся людей Англии» Томаса Фуллера. В книге была информация о семействе Клиффордов, дальней родне Элизабет Пипс по женской линии, но ничего не было написано ни о других ее родственниках — Кингсмилах, ни о знатной родне Пипса.
- 78 В угловых скобках, в соответствии с изданием Лэтама и Мэтьюса указаны вставки, дописанные в дневник позднее на полях.
- 79 **Pepys**. 2000: VI, 118.
- 80 Имеется в виду недавно изданное анонимное сочинение «Второй и третий совет художнику для изображения истории наших действий на море за последние два года» (1667).
- 81 Джон Крид — родственник и соперник Пипса за внимание графа Сэндвичского.
- 82 Имеется в виду Уильям Сесил, 1-й барон Бёрли, советник королевы Елизаветы I, занимавший важнейшие посты в государстве.

которые он недавно читал в издании «Каббалы»⁸³, которые для того времени были написаны прекрасным стилем и заслуживают подражания. И так, болтая и смеясь над причудами наших начальников в организации сегодняшнего дня мы к полудню вернулись домой, где все хорошо⁸⁴. (1.07.67)

Так же внимание исследователей к пользе как основной движущей силе чтения коррелирует как с доминирующими представлениями о чтении (особенно мужском) в раннее Новое время, о чем речь шла выше, так и с существующими интерпретациями текста дневника и «Я», которое за ним стоит. В своей недавней работе Мириам Нанди, обращает внимание на противоречивость образа Пипса в историографии⁸⁵. С одной стороны, «Дневник» можно считать, как писали его издатели, «побочным продуктом энергичной погони за счастьем»⁸⁶, с другой — свидетельством самоцензурирования и самоконтроля, являющихся инструментами формирования автономного Я новоевропейского субъекта⁸⁷. Последняя точка зрения доминирует в исследованиях конца XX начала XXI века и в значительной мере определяет и интерпретации Э. Яйдельской и К. Лавман, поскольку в их основе лежит образ Пипса как человека, главной целью которого является улучшение и упрочение своего положения и репутации — видимых маркеров самосовершенствования.

Сама исследовательница вслед за Бриджит Глейзер⁸⁸ резонно замечает, что противопоставление их как двух кон-

83 Письма Сесила к послу во Франции Генри Норрису, были в 1663 году изданы во втором издании сборника писем видных английских политических деятелей прошлого «Cabala sive Scrinia Sacra: тайны государства и политики в письмах знаменитых людей и великих государственных министров».

84 **Pepys**. 2000: VIII, 313-314.

85 **Nandi**. 2021: 161-171.

86 **Pepys**. 2000: I, XXVIII.

87 См., например: **Barker**. 1995, **Robertson** 2005, **Kohlmann**. 2009.

88 **Glaser**. 2001.

фликтующих сторон личности едва ли оправдано. Она приводит много примеров того, как Пипс использует новые возможности, предоставляемые его улучшающимся социальным положением для новых удовольствий, нередко ставящих под удар свои успехи, но при этом не испытывает чувства вины, которое можно ожидать в логике протестантской этики⁸⁹. И при этом вместо ощущения контроля над происходящим, которое мог бы дать дневник, он нередко отражает чувство беспомощности⁹⁰. Исследовательница приходит к выводу, что автор дневника использует многие формулы повествования, доступные в его время, и его текст отражает разные модели формирования собственного Я. А потому «Дневник» нельзя рассматривать исключительно в контексте движения к буржуазной субъективности⁹¹.

Эти рассуждения подтверждаются на примере описания чтения. Пипс не только совмещает работу и секс, как пишет Нанди, но и работу и чтение. Нередко он отмечает, что некоторое время читал, сидя в офисе, вместо того чтобы заниматься делами, и более того, иногда списывал расходы за книги как служебные. Например, в ноябре 1663 года он приобрел «две книги, “Коллекции” Рашуорта и Скоубелла — я сделаю так, чтобы за них заплатил король. В офисе я провел некоторое время, читая первую из них, и это превосходная книга» (30.11.63)⁹². Однако, эта и другая записи демонстрируют, что при этом в его тексте сохраняется ощущение раз-

---

89 **Nandi.** 2021: 169.

90 **Nandi.** 2021: 176.

91 **Nandi.** 2021: 184.

92 **Pepys.** 2000: IV, 402. Обе книги представляют собой собрание документов, что и позволяет отнести их к служебным расходам. Речь идет о «Исторических коллекциях» Джона Рашуорта (1659) и «Коллекции актов и ордонансов,... составленных в парламенте... (1640-1658)» Генри Скоубелла (1657-1658).

личия между текстами, с которыми нужно ознакомиться по служебной надобности, и потому можно не платить за их покупку (и это не только множество документов, но и научные трактаты, исторические сочинения, особенно связанные с флотом, и сборники документов), и книги, которые он читает для себя, даже если делает это там же в присутствии в «рабочие» часы.

Идея «пользы» не позволяет уловить это различие, скорее определяющими являются два других фактора. Во-первых, это наличие или отсутствие необходимости, а во-вторых, коррелирующее с добровольностью удовольствие от чтения. Пипсу нередко приходится читать как документы, так и книги, поскольку этого требуют его обязанности или непосредственное начальство, однако он почти никогда не дает описания такого сугубо прагматического чтения, в особенности, если делает это не по собственной инициативе.

Категория интенции оказывается заметной и когда речь идет о чтении вслух, даже не связанном с работой. Оно нередко было способом времяпрепровождения в кампании, а когда Пипс начал испытывать проблемы со зрением, он часто просил слуг, жену, или даже гостей читать ему вслух. Хотя в таком чтении/слушании каждый раз участвуют две стороны, Пипс по-разному описывает этот опыт. В тех случаях, когда чтение вслух было общим решением, в тексте появляется «мы»:

Засим мы читали и смеялись над предсказаниями Лилли на этот месяц в его альманахе за этот год⁹³ (14.06.67); Снова в церковь и затем домой к жене и вместе с ней (*with her*) читал «*Iter Boreale*», поэму, написанную как раз к возвращению короля домой, но ко-

93 **Репс.** 2000: VIII, 270. Речь идет об альманахе «*Merlini Anglici Ephemeris*» Уильяма Лилли.

торую я до сих пор не читал, и сейчас нашел ее довольно славной, но не настолько, как о ней повсюду кричат»⁹⁴. (23.08.63)

Однако, когда он прибегает к помощи домочадцев, чтобы прочесть интересную ему книгу (Пипс как правило, хотя и не всегда, подчеркивает в этих случаях, что он навязал свою волю, заставил жену, слугу или помощника читать для него — *got/made [somebody] to read*), слуги в его описаниях никогда не выступают в качестве со-читателя, но представляются лишь медиаторами в его собственном чтении:

Встал и в присутствии с Томом, которого я заставил читать мне (*made to read me*) книги предложений времен Великой комиссии,⁹⁵ из которых я успел прочесть изрядную часть перед тем, как идти в церковь⁹⁶. (14.03.69)

Иная модель описания появляется, когда ту же функцию исполняет жена. Хотя и здесь нередко появляются записи о том, что он заставляет ее читать ему те или иные книги или даже документы (в одном случае даже употреблено слово *forced*)⁹⁷, если в дневнике отмечается лишь сам акт чтения, однако, когда появляется и описание реакции Пипса, ему сопутствуют и более мягкие выражения, делающие ее «соучастницей» чтения:

И засим домой, и моя жена и я ужинали в одиночестве, и затем она читала небольшую книжицу об общих характеристиках речи,

-
- 94 **Pepys.** 2000: IV, 285. Комментаторы дневника указывают на сложность точно идентифицировать поэму, поскольку по случаю возвращения короля из изгнания в 1660 году вышло сразу несколько текстов с таким названием, но ни один из них не значится в каталоге библиотеки Пипса.
- 95 Имеются в виду отчеты комиссии, созданной в 1618 году для расследования злоупотреблений в управлении флотом.
- 96 **Pepys.** 2000: IX, 482.
- 97 **Pepys.** 2000: VIII, 438. (15.09.63). Имеется в виду не физическое принуждение со стороны мужа, а то, что она была вынуждена читать ему из-за его сильной боли в глазах.

недавний перевод с французского⁹⁸. Превосходнейшая книга, какую я когда-либо читал, доказывающая существование души человека и всех способов и уловок, при помощи которых природа обучает человека речи, от прочтения которой я получил бесконечное удовольствие⁹⁹. (6.12.68)

Вообще создается впечатление, что Пипс переносит на нее свои мысли и чувства, приписывая ей сходный с собственным читательский опыт и его использование¹⁰⁰, хотя и полагал, что ее кругозор и начитанность существенно уступают его собственным.

Удовольствие, которое здесь отмечено, является второй характеристикой, которая позволяет увидеть грань между чтением, предпринятым исключительно с целью получения необходимой (в основном для работы) информации, и тем, что условно можно обозначить как «чтение для себя». Эта граница более условна, во-первых, потому что удовольствие и польза действительно отнюдь не противопоставлены друг другу (Пипс ухитряется быть «чрезвычайно довольным» даже от чтения грамматики)¹⁰¹, а во-вторых, по причине неод-

98 Речь идет о «Физическом трактате о речи» Жеро Кордемуа, изданный в 1668 году и в том же году переведенный на английский язык как «Философский трактат, касающийся речи».

99 **Pepys**. 2000: IX, 385.

100 К примеру, в рождественский день 25 декабря 1663 года он «начал читать своей жене о глобусах с большим удовольствием и благим намерением, ибо ей и мне будет равно приятно, если она получит представление о подобных вещах» (**Pepys**. 2000: IV, 433-434). Любопытно, что они оба используют практику совместного чтения в семейных ссорах. В январе 1665 года Элизабет «преднамеренно и со злым умыслом» выбрала для такого чтения эссе о ревности. Пипс записал, что хоть он и был раздосадован, «однако моя совесть твердила, что я это заслужил» (2.01.65) **Pepys**. 2000: VI, 2. Два года спустя уже сам Пипс в разгар спора «начал читать книгу вслух («Гидростатику» Бойля) в моей комнате, предоставив ей говорить, покада не устала и не раздосадовалась, что я ее не слушаю. И вскоре помирились, и вместе в постель» (4.06.67). **Pepys**. 2000: VIII, 250-251.

101 Здесь удовольствие от чтения в значительной мере определяется и радостью обладания книгой. Речь идет о «Грамматике и словаре для моряков»

нозначности как одного, так и другого. Однако, как правило, Пипс вообще не указывает никакой реакции при описании «рабочего» чтения или говорит только о полезности того или иного сочинения.

Так же, как и «польза»¹⁰², «удовольствие», связанное с книгами, очень разнообразно. Оно может отсылать к визуальным и тактильным ощущениям от хорошо изданного тома. Кейт Лавман уделяет большое внимание тому, как были систематизированы книги в библиотеке Пипса, согласно составленному им каталогу. Однако важно отметить, что сама нужда в подобном каталоге во многом была связана с тем, что книги в его шкафах, как это было принято в то время, были упорядочены в соответствии с эстетическим принципом — согласно единообразию формата и переплетов. Для него это было не просто общепринятой практикой, дневник отражает внимание к тому, как изданы и переплетены книги. Последнее, как правило, было предметом переговоров с книготорговцем. Хорошо переплетенная книга стоила дорого, и, несомненно, библиотека, составленная из красивых, выставленных напоказ переплетов, была показателем статуса и достатка ее владельца, что для Пипса, стремившегося занять уважаемое положение в обществе, было очень важно. Однако он покупал издания и в простых переплетах, которые выставлялись в магазине. Выбор зависел во многом того, намеривался ли он включить книгу в состав своей библиотеки, что в свою очередь зависело от ее содержания, репутации автора, качества типографского издания и других факторов.

Джона Смита (1627), т.е. как раз о книге, необходимой для работы, которую он, однако, приобрел по собственной инициативе. *Pepys*. 2000: II, 53 (13.03.61).

102 В данной статье подробно не раскрывается эта категория, поскольку она прекрасно проанализирована в работах Э. Яйдельской и К. Лавман.

Пипс нередко указывал стоимость купленных книг, сокрушался о тратах, и давал себе слово впредь тратить меньше. Поскольку он чаще всего переплетал книги в единообразном стиле для себя, он редко говорит о качестве переплета, однако некоторые замечания дают понять, что красивый переплет не оставлял его равнодушным¹⁰³ и вносил свой вклад в удовольствие чтения, особенно в начале 60-х годов, когда он еще не мог позволить себе много хорошо изданных книг:

И ночью зачитался «Церковной политикой» Хукера¹⁰⁴, которую мистер Мур дал мне в прошлую среду, с очень красивым переплетом, которую я, ради него, буду читать очень осторожно и с любовью¹⁰⁵. (18.08.61)

Переплеты, которые делались для его библиотеки в 1666 году, он также описывает, как «очень красивые для глаз» (3.10.66),¹⁰⁶ библиотеку одного из коллег — как «весьма богатую красивыми книгами» (30.07.66)¹⁰⁷.

Качество печати также имело немалое значение, особенно в последние годы ведения дневника, когда проблемы со зрением делали чтение все более болезненным и, соответственно качество печатного текста все более значимым. 18 марта 1668 года он взялся читать «дурацкую (*ridiculous*) историю милорда Ньюкасла, написанную его женой»¹⁰⁸. Книгу передали для его жены, однако он сел ее читать, поскольку

103 В 1669 году он сделал запись о том, что купил книгу только ради того, чтобы иметь переплет известного мастера Уильяма Нотта (12.03.69). *Pepys*. 2000: IX, 480.

104 Речь идет о «Законах церковной политики» Ричарда Хукера, впервые изданных в 1593/1594 г.

105 *Pepys*. 2000: II, 157.

106 *Pepys*. 2000: VII, 306.

107 *Pepys*. 2000: VII, 227.

108 «Жизнь Уильяма Кавендиша, герцога Ньюкасла» (1667) была написана его женой, писательницей Маргарет Кавендиш.

«она отлично напечатана, и чтобы глазам было легче при чтении, я стал читать ее» (18.03.68)¹⁰⁹. Глаза все равно разболелись, и в дневнике появилась запись «мои глаза очень плохи, и я не имею ни малейшего понятия, как воздерживаться от чтения»¹¹⁰.

Если внешнему виду книг уделяется не так много внимания в дневнике, то описание удовольствия/неудовольствия от знакомства с их содержанием является основным способом фиксации восприятия прочитанного. Упоминания о нем встречаются гораздо чаще, чем о пользе, даже если речь идет о научных трактатах, религиозных или назидательных сочинениях. Удовольствие от чтения, явно не ассоциировалось у Пипса с чем-то несерьезным, поверхностным или на худой конец с побочным эффектом чтения.

Как отмечала Кейт Лавман, Пипс различает «смысл и язык» при оценке не только прочитанных книг, но и устных дискуссий и выступлений. Это был навык, полученный при обучении, и ожидалось, что в будущем он будет применяться к любым темам и жанрам¹¹¹. И как показывает исследование Кори МакИллни, удовольствие (по меньшей мере, эстетическое) и все возможные, связанные с ним опасности, ассоциировалось именно со словом¹¹². Она анализирует два литературных жанра — поэзию и романы, которые на протяжении раннего Нового времени вызывали наибольшие дискуссии и осуждались как способные увлечь читателя пустыми, но вызывающими и более серьезные негативные ассоциации удовольствиями от основной цели, которую должна преследо-

---

109 *Pepys*. 2000: IX, 123.

110 *Pepys*. 2000: IX, 124.

111 *Loveman*. 2015: 77-78.

112 *McElaney*. 2017.

вать литература — наставления, в то время как защитники настаивали на уникальной способности тех жанров, к которых язык и стиль имеют определяющее значение, побуждать человека к благородным поступкам.

Соблазняющая роль языка имеет большое значение в читательском удовольствии Пипса, однако, не исключительное. В тех случаях, когда он детализирует его, мы можем увидеть даже не двух-, а трехчастную структуру: смысл (идея, замысел, мораль), структура (аргументация или сюжет) и стиль/язык. Она становится очевидной, когда сочинение лишено достоинств на одном из этих уровней и удовольствие оказывается неполным или исчезает вовсе. Так, например, решив в Рождество почитать сразу две книги — жизнеописание Юлия Цезаря¹¹³ и трактат Декарта о музыке¹¹⁴, — Пипс замечает, что «последнюю из них я не понял, и не думаю, что он хорошо ее написал, хотя и ученейший человек» (25.12.68)¹¹⁵. А вот «Гидростатические парадоксы» Бойля он читает с большим удовольствием, и хотя тоже понимает с трудом¹¹⁶, но замечает, что «чем больше я читаю и понимаю, тем больше восхищаюсь как превосходнейшим образчиком философии» (27.07.67)¹¹⁷.

113 Вероятно, имеется в виду жизнеописание, выступающее в качестве предисловия к «Комментариям к Г. Юлию Цезарю» сэра Клементя Эдмондса, впервые опубликованным в 1600 г.

114 Речь идет о переводе лорда Броункера, вышедшем в 1653 году под названием «Компендиум: Превосходный компендиум работ Рене Декарта о музыке».

115 *Pepys*. 2000: IX, 401.

116 «Это превосходнейшая книга, какую я когда-либо читал, и я приложу все усилия, чтобы понять его, если смогу, его учение очень полезно» (10.06.67). *Pepys*. 2000: VIII, 258.

117 *Pepys*. 2000: VIII, 351.

При этом содержание книг, отдельные мысли или информация могут быть частью удовольствия не на эстетическом или даже интеллектуальном, а вполне прагматическом, даже бытовом уровне — удовольствия от самого содержания информации, заключенной в книге. Так, читая отрывок из «книги сэра Р. Коттона о войне»¹¹⁸, он отмечает в дневнике, что «был очень доволен этим вечером тем, что мы¹¹⁹ прочли о той небольшой пользе или славе, которое это королевство всегда получало в своих самых славных завоеваниях за границей во Франции» (4.12.67)¹²⁰. В то же время остроумная аргументация могла стать источником особого наслаждения, вне зависимости от ценности идеи, которая ею подтверждается. В 1666 году он с большим удовольствием читает пророчество, касающееся этого года и связанное с числом дьявола¹²¹. 4 ноября Пипс отмечает, что текст ему «очень нравится (*pleases me mightily*)»¹²², дочитав его неделю спустя, он уточняет:

...он понравился мне весь целиком (*I like it all along*), но конец особенно замечателен; и очень остроумно, [не важно,] окажется это правдой или нет¹²³. (10.11.66)

Непосредственно роль стиля/языка оценить сложнее, так как его обычное определение «хорошо/дурно написанная» книга может включать в себя все три составляющие, но при

---

118 «Ответ на резоны, высказанные некоторыми военными принцу Генри, и подстрекающие его стремиться к войне, а не к миру» сэра Роберта Коттона были впервые опубликованы в 1655 г.

119 Редкий случай, когда, попросив прочитать жену вслух, он замечает, что «мы», а не «я» прочли книгу.

120 *Pepys*. 2000: VIII, 564.

121 «Интерпретация числа 666» Фрэнсиса Поттера, изданная в 1642 г.

122 *Pepys*. 2000: VII, 355.

123 *Pepys*. 2000: VII, 364.

более пространных пояснениях Пипс почти никогда не дает понять, что его удовольствие от чтения книг связано с вербальной замысловатостью или красотой текста. Редкий пример такого рода можно найти в записи от 22 мая 1663 года:

Прогулялся до Редриффа, выпив в Хафвей-хаусе, затем пешком и по воде в Уайтхолл, на протяжении всего пути по воде, как туда, так и обратно, читая небольшую книжицу, как сказано, написанную знатным человеком о том, что английское джентри должно иметь преимущества перед титулованной знатью. Но это глупейшая чепуха (*the most silly nonsense*), как по смыслу, так и грамматически, от начала до конца нет ни одного законченного и правильного предложения, но, однако же, написано такими словами, что лучших я не читал за всю свою жизнь (*yet in as good words that ever I saw in all my life*)¹²⁴. (22.05.63)

То, что Пипс довольно часто пытается пояснить, сформулировать, в чем заключается удовольствие от чтения той или иной книги, очень любопытно. И хотя книги, которые ему настолько не нравятся, что тоже заслуживают описания, как правило, именуются глупыми и нелепыми (*silly, ridiculous*), сама по себе глупость не означает, что книгу не будет приятно читать, насмешка, разоблачение этой глупости (и описание этого разоблачения в дневнике) также являются своеобразным удовольствием «браконьерствующего», по определению Мишеля де Серто, читателя¹²⁵, Пипс (обычно с женой) нередко смеется над нелепыми потугами авторов не только астрологических предсказаний, но и более серьезных текстов. Как отмечала К. Лавман, описание Пипсом чтения книг по современной истории (в первую очередь жизнеописаний) демонстрирует скептическую, критическую

124 **Pepys**. 2000: IV, 151. Речь идет об анонимном сочинении «Защита положения джентри супротив обладающих титулами» (1662). Перевод Ливерганта см.: **Пипс**. 2010: 144.

125 О чтении как браконьерстве см.: **Серто**. 2013: 279-295.

модель чтения человека, не поддающегося на аргументы автора. Такое чтение, по ее мнению, оказывалось возможным, поскольку Пипс мог сопоставлять составленный портрет, по традиции отсылавший к благочестивым образам, с известными ему фактами и сплетнями, и видеть, на какие ухищрения идут авторы, чтобы убедить читателя в своих идеях¹²⁶. Но, что не менее важно, в этом заключалась значительная доля удовольствия от чтения не слишком умных книг. Таковой, например, оказалась «История трижды прославленной принцессы Генриетты-Марии де Бурбон, королевы Англии» Джона Даунси, купленная им в 1660 году:

В Вестминстер-холл и купил, среди других книг «Жизнеописание» нашей королевы, которое я читал дома с женой; но оно настолько глупо написано, что мы только и делали, что смеялись над ним. Помимо прочего, оно посвящено этому совершенству добродетели и красоты, герцогине Албемарл¹²⁷. (26.10.60)

В этом отношении читательское удовольствие в описании Пипса, будучи довольно разнообразным, не поддается ни попыткам отделить его от «смысла» и связать только с воздействием словесной ткани текста на воображение читателя, ни соотнести с пользой от хорошо написанной, поучительной книги. Набор прочитанных текстов, по отношению к которому Пипс высказывает свою реакцию в дневнике, и которые описываются через полученное или не полученное удовольствие, не совпадает с делением книг на «книги для удовольствия», «для серьезного удовольствия» и для «по-

---

126 **Loveman**. 2015: 133.

127 **Pepys**. 2000: I, 275. Слухи, которые упоминает Лавман, касались уродливости герцогини, Анны Кларджис (в первом браке — Рэдфорд) супруги генерала Монка, 1-го герцога Албемарла, ее жадности, низкого происхождения и того, что она имела добрачную связь с Монком, родила ему ребенка, а затем вышла за него замуж, когда еще не было подтверждено, что ее предыдущий муж умер. **Loveman**. 2015: 122.

лезного применения», которые он выделял, определяясь с выбором покупок. Не вполне совпадает он и с тем, книги каких жанров он покупал чаще всего (см. прим. 24). Исторические сочинения и пьесы действительно лидируют и в том, и в другом списках, книги по естественной философии, которые Пипс покупал почти в два раза реже, чаще всего получают развернутые характеристики и читаются «с удовольствием». А вот сочинения по богословию, которые он покупает примерно в тех же количествах, что и научные трактаты почти не получают в дневнике никаких оценок, книги по музыке и вовсе почти не упоминаются. Сложно соотносить удовольствие Пипса и с разными типами чтения. Он любит читать новые, еще не известные ему книги, то сразу после покупки, то отложив их дожидаться своей очереди, но также и перечитывать старые. Отдельные сочинения Пипс за время ведения дневника успел перечитать по нескольку раз. К их числу, например, относится «мое любимое» (*my dear*)¹²⁸ эссе Бэкона «*Faber fortunae*»¹²⁹, о чтении которого он упоминает семь раз, отмечая, что «не может начитаться» и «каждый раз читает все с большим удовольствием» (*with more and more pleasure*)¹³⁰. Некоторые книги он читает от начала до конца (нередко с большими перерывами), или читает только отдельные отрывки (*read in the book*). Любой из этих типов

128 **Pepys**. 2000: VI, 72 (14.03.66).

129 Эссе является частью 2 главы VIII части («Наставления, относящиеся к искусству делать карьеру») рассуждения «О достоинстве и приумножении наук». Однако Пипс знал его по изданию 1641 года, в котором оно было представлено как отдельное сочинение: **Васон**. 1641. Дословный перевод «*Faber fortunae*» — архитектор судьбы (в русском издании речь идет о «кузнице своего счастья»). То, что именно этот текст является одним из любимых у Пипса, много говорит о нем самом. См. **Бэкон**. 1977: 445-471 (Ч. XVIII. Гл. 2).

130 **Pepys**. 2000: V, 39 (5.02.64); **Pepys**. 2000: VII, 241 (10.08.66).

чтения может доставить удовольствие, которое он сочтет нужным отразить в дневнике.

И, хотя дневник не может дать нам полный ответ на вопрос, когда, при каких обстоятельствах возникает читательское удовольствие, мы можем говорить о том, в каких случаях оно появляется в тексте этого документа. Оно возникает или не возникает на стыке двух факторов — способности книги увлечь Пипса и его собственной критической способности понять и объяснить, что именно его увлекло или по каким причинам этого не произошло. Одного только понимания или приятности, как смысловой, так и вербальной, как показывают приведенные выше примеры, оказывается недостаточно для того, чтобы Пипс писал о полученном от чтения книги удовольствии. Оно неразрывно связано с актом письма — с самим ведением дневника о собственной жизни. Вполне возможно, есть и другие аспекты читательского удовольствия, которые не нашли отражения в тексте, поскольку не ассоциировались им с той моделью взаимоотношения с миром, которая проявляется в тексте в целом и в описаниях чтения в частности: вовлеченности в ход разворачивающихся во времени и пространстве событий и способности наблюдать, оценивать и действовать в рамках своего понимания¹³¹. Посему то читательское удовольствие, которое мы видим в тексте дневника, принадлежит и «описываемому», и «пишущему» Я Пипса.

Неразрывность вовлеченности и отстраненности позволяет понять многие исключительные случаи его читательского опыта. Одним из них является чтение псевдогероической сатирической поэмы «Гудибрас» Сэмюэля Бат-

---

131 Это может быть одной из причин, почему сенсорному удовольствию от взаимодействия с книгой как объекту уделено так мало внимания, хотя оно, несомненно, было частью читательского опыта.

лера, в которой высмеивались пуритане, пресвитериане, круглоголовые и другие группы людей, ассоциировавшиеся с периодом революции и Протектората. Ее первая часть была издана в 1662 году и стала невероятно популярной, она получила множество пиратских переизданий, а при дворе разошлась на цитаты. На волне популярности, Батлер написал и опубликовал вторую (1663), а затем и третью (1678) части. Пипс был невероятно фрустрирован чтением этого текста. Он купил «Гудибраса» 26 декабря 1662 года после разговора с одним из знакомых, но обнаружил, что она «так глупа и столь оскорбительна по отношению к пресвитерианину-рыцарю, идущему на войну¹³², что мне было стыдно» (26.12.62)¹³³. Он продал книгу сразу после прочтения, но в феврале 1663 года пишет, что «снова купил “Гудибраса”», пытаясь обнаружить и одновременно понять, что же восхищает всех остальных в этом тексте:

это действительно раздражает, быть настолько настроенным против того, что весь свет восхваляет как образчик остроумия; в силу чего я настроен снова его прочесть и увидеть, смогу я счесть его таковым или нет¹³⁴. (6.02.63)

В ноябре того же года, после выхода второй части поэмы Пипс решает уже не покупать ее, а взять напрокат, поскольку «так и не смог счесть ее остроумной, хотя брался ее читать два или три раза» (28.11.63)¹³⁵. К. Лавман отмечает, что это является свидетельством того, насколько читательские вкусы и круг чтения Пипса определялся модой, поскольку для него было важно участвовать в дискуссиях и соответство-

132 Прообразом главного героя пресвитерианца и судьи Гудибраса был рыцарь дон Кихот из романа Сервантеса.

133 *Pepys*. 2000: III, 294. Перевод Ливерганта см.: Пипс. 2010: 144.

134 *Pepys*. 2000: IV, 35.

135 *Pepys*. 2000: IV, 400.

вать моделям читательского поведения определенных социальных групп¹³⁶. Однако не менее интересно, что раздражение у Пипса вызывает то, что он не понимает достоинств текста и удовольствия, которое другие, уважаемые им люди, получают от него, и при этом покупает вторую часть поэмы, «чтобы посмотреть, так ли она хороша, как первая»¹³⁷. В декабре он, несмотря на свои сомнения, все же купил книгу, хотя так и не смог ее оценить, а впоследствии приобрел и полное издание, содержащее все три части.

Второй, еще более известный эпизод связан с чтением книги, которую можно назвать порнографической. В середине января 1668 года он натывается на французскую книгу под названием «Школа девиц» и смотрит, не купить ли ее, думая, что это трактат по воспитанию, который понравится его жене-француженке. Однако, пролистывая ее, приходит к выводу, что это «самая похабная, непристойная книга (*the most bawdy, lewd book*), какую я только видел» и замечает, что «мне было стыдно, что я стал ее читать» (13.01.68)¹³⁸. Тем не менее, 8 февраля, вновь оказавшись в книжной лавке, он все же покупает книгу, намеренно выбирая самый дешевый переплет, чтобы без сожалений сжечь ее после прочтения, поскольку иметь такое сочинение на полках своей библиотеки постыдно и может обернуться бесчестьем, если ее обнаружат. Показательно, что характеризуя покупку, он называет ее уже «никчемной, проказливой книгой (*idle, roguish book*)» (8.02.68)¹³⁹. Непристойной она снова становится на следующий день после того, как Пипс прочитал ее от начала и до

---

136 Loveman. 2015: 39.

137 Pepys. 2000: IV, 400.

138 Pepys. 2000: IX, 21-22.

139 Pepys. 2000: IX, 58.

конца, сначала дома и на работе, «занимаясь делами и почи- тывая *«L'escolle des filles»*: книжонка весьма непристойная, однако и здравомыслящему человеку не мешает изредка почи- тать подобное, дабышний раз убедиться в человечес- кой подлости»¹⁴⁰, а потом снова дома. Любопытно, что в за- писи за этот день Пипс также дважды фиксирует свое впе- чатление от книги. Вторая порция впечатлений соотносится с окончанием чтения, он описывает и физиологическую ре- акцию на эротические сцены (как всегда в случаях внебрач- ного сексуального опыта, он описывает эту реакцию, мешая слова из разных известных ему языков), и реакцию интел- лектуальную («было не бесполезно прочитать ее ради ин- формации») ¹⁴¹.

Эту сцену чаще всего интерпретируют в контексте культуры сексуальности, идеи самоцензурирующего субъек- та и конфликта, который связан с тем, что он испытывает удовольствие, которое сам же считает постыдным¹⁴². Хотя в тексте стыд соотносится только с обладанием книгой, Пипс очевидно испытывает большую неловкость от собственного сексуального возбуждения.¹⁴³ Но судя и по описанию, и по его реакции (сожжение книги¹⁴⁴, вместо того, чтобы сдать ее обратно в магазин и получить назад часть потраченных де-

140 Пипс. 2010: 148. У Ливерганта опущена часть фразы. В его перевод ука- зано «все утро у себя в комнате: занимался делами», тогда как в ориги- нале — «Встал и все утро у себя в комнате и в присутствии: занимался де- лами...» (Pepys. 2000: IX, 58).

141 Pepys. 2000: IX, 59.

142 Самый известный подобный разбор принадлежит Фрэнсису Баркеру: Barker. 1995.

143 В конечном счете, он прибегает к мастурбации.

144 Пипс пишет, что решил сжечь книгу уже при покупке, после первого зна- комства с ее содержанием. Но мы не можем сказать, не приписал ли он себе это намерение задним числом, когда делал запись в дневник.

нег) эта неловкость связана с силой воздействия текста, причем на таком уровне, на котором этому воздействию сложно сопротивляться. Не случайно опасные с точки зрения воздействия на умы людей книги принято было сжигать. Интересно, что в этом случае Пипс использует ту же модель описания, что и в случае с книгами, которые ему приятно или неприятно было читать. Его рассуждения о пользе в данном случае могут быть не столько свидетельством того, что он стремился найти ее, при чтении любых текстов (оправдывая тем самым чтение книг, нацеленных исключительно на удовольствие, особенно сексуальное)¹⁴⁵, сколько привычкой анализировать влияние текста и благодаря этому получать удовольствие, поддаваясь ему, но сохраняя самоконтроль. В данном случае эта схема не вполне удалась, все, что смог Пипс — это сделать полезный вывод о «человеческой подлости», т.е. подлости человеческой природы, идущей на поводу у тела, а не разума.

Вероятно, значимость удовольствия при описании читательского опыта, и его сложносоставной характер, предполагающий и увлечение текстом, и дистанцирование от него, может отчасти объяснить, по какой причине в «Дневнике» почти не упоминается религиозное чтение, которое было элементом повседневных практик. Э. Яйдельская полагает, что это обусловлено ритуализированностью, повторяемостью — чтение молитв «было настолько регулярным, что не заслуживало упоминания Пипсом так же, как и большинство приемов пищи»¹⁴⁶. Это объяснение представляется вполне справедливым, но явно недостаточным, ведь те же обеды и

---

145 **Loveman**. 2015: 135-164 (этот тезис подтверждается на протяжении всей главы, посвященной «развлекательным книгам»).

146 **Jajdelska**. 2007: 559.

ужины Пипс все же упоминает во много раз чаще, чем чтение Книги Общих Молитв. Пипс, конечно, не отличался большой набожностью, но был искренне верующим человеком. Исходя из того, как он описывал свой читательский опыт можно предположить, что чтение религиозных текстов, не укладывалось в эту модель вовлеченности/дистанцирования и вообще рассматривалось как «чтение» только с сугубо технической точки зрения, поскольку эти сочинения выпадали из привычного определения литературы, по отношению к которой Пипс как читатель мог занять дистанцированную позицию. Речь шла не о чтении текста (который к тому же был известен наизусть), а об ином опыте, в рамках которого, читая книгу, Пипс все же не становился в полной мере читателем. Подтверждением этому может служить тот факт, что католические тексты Пипс читал среди дня, ради интереса, подобно остальным видам книг:

В подворье Павла зашел к Кирстону¹⁴⁷ и там нашел для себя Миссал¹⁴⁸, который и купил и он обошелся мне в 12 ш[иллингов]. И затем пошел домой и сидел допоздна, читая из него своей жене, которая с большим удовольствием слушала то, что когда-то было для нее таким привычным¹⁴⁹. (2.11.60)

147 Речь идет о территории вокруг собора Св. Павла, где находилась книжная лавка Кирстона.

148 Миссал — католическая богослужебная книга, содержащая тексты, для совершения литургии (месс). Любопытно, что «папистскую книгу», как и порнографическое сочинение Пипс с легкостью покупает, просто зайдя в лавку и отыскав интересный том. Он не упоминает о том, что покупкам сопутствовали какие бы то ни было необычные обстоятельства.

149 **Pepys**. 2000: I, 281-282. Элизабет Пипс, как и ее родители была протестанткой, но в детстве жила в католической Франции. Она нередко угрожала мужу переходом в католицизм во время семейных ссор, а ее происхождение впоследствии было одним из аргументов, когда самого Пипса обвинили в симпатиях к католицизму.

В еще большей степени это заметно при описании приятности чтения всевозможных полемических и назидательных сочинений:

Затем домой ужинать и затем почитал немного из «Противоядия против атеизма» Мура, славная книга (*pretty book*), и засим в постель¹⁵⁰. (12.01.67)

О чтении протестантской Библии и Книги Общих Молитв Пипс упоминает только тогда, когда этому способствуют какие-то необычные обстоятельства, включающие его в обычный опыт (например, он сделал запись о том, как впервые читал Книгу Общих Молитв в своем новом доме)¹⁵¹. Можно предположить, что опыт взаимодействия с религиозными текстами остался невербализованным в его дневнике, поскольку не соотносился с той «фикцией самотождественности», если говорить словами Барта, с которой неразрывно связано представление читательского опыта в тексте дневника.

Если фигура автора — «это принцип некоторого единства письма»¹⁵², как писал Мишель Фуко, то и фигура читателя обозначает некоторое единство чтения, которое, впрочем, не вполне совпадает с наличием у текста автора. Эту фигуру сложнее уловить, поскольку сам читатель редко обозначает себя этим словом, мы можем лишь обнаружить различия в том, как он описывает или не описывает чтение разных типов текстов. И, как принцип единства текстов, читатель точно так же оставляет за границами множество их разновидностей, которые читаются, но не порождают читателя. У Пипса мы можем обнаружить довольно много того, что он читает, но редко пишет об этом в дневнике и не обозначает себя как

---

150 *Репус*. 2000: VIII, 13.

151 *Репус*. 2000: I, 206 (22.07.60).

152 *Фуко*. 1996: 27.

вовлеченного в процесс чтения читателя, хотя причины для этого непопадания в читательский опыт могут быть очень разными. Сюда можно отнести не только Книгу Общих Молитв, или — пример из другой крайности — счета за покупки, но и разнообразные новостные издания или ноты любимых им музыкальных произведений. И то, где пролегает для него эта граница определения себя как читателя коррелирует с той идентичностью, которая конструируется самим текстом дневника.

Сложно не согласиться с Мириам Нанди — в Пипсе и его дневнике тяжело увидеть исключительно самоцензурирующего, самоограничивающего, пытающегося преуспеть буржуа. Читательский опыт, который мы можем обнаружить на страницах его дневника, предстает как страсть, удовольствие, которое связано не столько с осознанием того или иного социального капитала, который приобретается в процессе чтения, но с тем, что он является способом утверждения и подтверждения образа собственного Я. Дневник Пипса демонстрирует, что его практики чтения с трудом соотносятся с теми идеальными моделями, которыми определялся читательский дискурс раннего Нового времени, будучи подчинены логикам повседневности, а в еще большей степени — логикам текстуального самоопределения.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Бэкон. 1977 — Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1977. Т. 1. Ч. XVIII. Гл. 2. С. 81-524.

Пипс. 2010 — Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника / Пер. А.Я. Ливерганта. М.: Текст, 2010.

Васон. 1641 — Bacon F. Fr. Baconi de Verulamio Sermones Fideles, Ethici, Politici, oeconomici: Sive Interiora Rerum. Accedit Faber Fortunae &c. Leiden: Hackius, Franciscus, 1641.

Josselyn. 1976 — The Diary of Ralph Josselyn 1616-1683 / ed. by A. Macfarlane. L.: Oxford University press, 1976.

Репус. 2000 — Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. V. 1-11. Berkeley; Los Angeles: University of California press, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Барт. 1994 — Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462-518.

Серто. 2013 — Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стогова. 2018 — Стогова А.В. Сэмюэль Пипс и торжественные обеты // ШАГИ/STEPS. 2018. Т. 4. №3-4. С. 97-114.

Фуко. 1996 — Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь, 1996.

Шартье. 2006 — Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.

Barker. 1995 — Barker F. The Tremulous Private Body: Essays on Subjection. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1995.

Barnard, Bell. 1994 — Barnard J., Bell M. The Early Seventeenth-Century York Book Trade and John Foster's Inventory of 1616. Leeds: Leeds Philosophical and Literary Society, 1994.

Benedict. 1996 — Benedict B.M. Making the Modern Reader: Cultural Mediation in Early Modern Literary Anthologies. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Berger. 2005 — Berger H. jr. The Pepys Show: Ghost-writing and Documentary Desire in the Diary // *Situated Utterances: Texts, Bodies, and Cultural Representations* / ed. by Berger H. jr., Anderson J.H. New York: Fordham University Press, 2005. P. 218-252.

Blaak. 2009 — Blaak J. *Literacy in Everyday Life. Reading and Writing in Early Modern Dutch Diaries.* Leinen; Boston: Brill, 2009.

Books and Readers. 2002 — *Books and Readers in Early Modern England Material Studies* // ed. by Jennifer Andersen and Elizabeth Sauer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.

Colclough. 2007 — Colclough S. *Consuming Texts: Readers and Reading Communities, 1695–1870.* London: Palgrave Macmillan, 2007.

Craik. 2007 — Craik K. *Reading Sensations in Early Modern England.* Basingstoke: Palgrave, 2007.

Cressy. 1980 — Cressy D. *Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980

Dawson. 2000 — Dawson M.S. *Histories and Texts: Refiguring the Diary of Samuel Pepys*// *Historical Journal.* 2000. №43. P. 407–31.

Early Modern English News Discourse. 2009 — *Early Modern English News Discourse: Newspapers, Pamphlets and Scientific News Discourse* / edited by Andreas H. Jucker. Philadelphia: John Benjamins Pub. Company, 2009.

Glaser. 2001 — Glaser B. *The Creation of the Self in Autobiographical Forms of Writing in Seventeenth-Century England: Subjectivity and Self-Fashioning in Memoirs, Diaries, and Letters.* Heidelberg: Winter, 2001.

Hackett. 2000 — Hackett, Helen, *Women and Romance Fiction in the English Renaissance.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Halasz. 1997 — Halasz A. *The Marketplace of Print: Pamphlets and the Public Sphere in Early Modern England.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Hiscock. 2011 — Hiscock A. *Reading Memory in Early Modern Literature.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Jagodzinski. 1999 — Jagodzinski C.M. *Privacy and Print: Reading and Writing in Seventeenth-Century England.* Charlottesville-London: University Press of Virginia. 1999

Jajdelska. 2007 — Jajdelska E. *Pepys in the History of Reading* // *Historical Journal.* 2007. №50. P. 549–69

Jajdelska. 2016 — Jajdelska E. Speech, Print and Decorum in Britain, 1600-1750. Studies in Social Rank and Communication. N.Y.: Routledge, 2016.

Kohlmann. 2009 — Kohlmann B. 'Men of Sobriety and Business': Pepys, Privacy and Public Duty // The Review of English Studies. New Series. 2009. Vol. 61. № 251. P. 553-571.

Kunin. 2004 — Kunin A. Other Hands in Pepys's Diary // Modern Language Quarterly. 2004. №65 (2). P. 195-220.

Loveman. 2008 — Loveman K. Reading Fictions, 1660-1740: Deception in English Literary and Political Culture. Aldershot: Ashgate, 2008.

Loveman. 2015 — Loveman K. Samuel Pepys and his Books Reading, Newsgathering, and Sociability, 1660-1703. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Material readings. 2010 — Material Readings of Early Modern Culture : Texts and Social Practices, 1580-1730 / ed. by James Daybell, Peter Hinds. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010.

McCarthy. 2020 — McCarthy E.A. Doubtful Readers: Print, Poetry, and the Reading Public in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2020.

McEleney. 2017 — McEleney C. Futile Pleasures. Early Modern Literature and the Limits of Utility. New York: Fordham university press, 2017.

Nandi. 2021 — Nandi M. Reading the Early Modern English Diary. Basingstoke: Palgrave, 2021.

News, newspapers. 1999 — News, Newspapers, and Society in Early Modern Britain / edited by Joad Raymond. London: F. Cass, 1999.

Nicolson. 1965 — Nicolson M. H. Pepys' Diary and the New Science. Charlottesville: University Press of Virginia, 1965.

Pearl. 2012 — Pearl J. H. Geography and Authority in the Royal Society's Instructions for Travelers // Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourses 1569-1750 / Ed. by J. A. Hayden. Burlington: Ashgate, 2012. P. 71-83.

Raven. 2007 — Raven J. The Business of Books: Booksellers and the English Book Trade 1450-1850. New Haven and London: Yale University Press, 2007.

Reid. 2019 — Reid P. Reading by Design: the Visual Interfaces of the English Renaissance book. Toronto; Buffalo ; London: University of Toronto Press, 2019.

Robertson. 2005 — Robertson R. Censors of the Mind: Samuel Pepys and the Restoration Licensers // The Dalhousie Review. 2005. Vol. 85. № 2. 181–94.

Sharpe. 2000 — Sharpe, K., Reading Revolutions: The Politics of Reading in Early Modern England. New Haven: Yale University Press, 2000.

Sherman. 1996 — Sherman S. Telling Time: Clocks, Diaries, and English Diurnal Form, 1660-1785. Chicago and London: University of Chicago Press, 1996.

Snook. 2005 — Snook E. Women, Reading, and the Cultural Politics of Early Modern England. N.Y.: Routledge, 2005.

The London Book Trade. 2003 — The London Book Trade: Topographies of Print in the Metropolis from the Sixteenth Century/ ed. Robin Myers, Michael Harris, and Giles Mandelbrote. New Castle: Oak Knoll Press; London: British Library, 2003.

Women and Literature. 1996 — Women and Literature in Britain, 1500–1700 / ed. by Helen Wilcox. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Women's bookscapes. 2018 — Women's Bookscapes in Early Modern Britain: Reading, Ownership, Circulation / ed. by Leah Knight, Micheline White, and Elizabeth Sauer. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 2018.

Woolf. 2000 — Woolf D.R. Reading History in Early Modern England, Cambridge. Cambridge University Press, 2000.